

Б. Н. Флоря

**ВНЕДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ
ПРОГРАММА
А.Л. Ордина-Нащокина
и попытки
ее осуществления**

Борис Флоря

**Внешнеполитическая программа
А. Л. Ордина-Нащокина и
попытки ее осуществления**

«Индрик»

2013

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Флоря Б. Н.

Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и
попытки ее осуществления / Б. Н. Флоря — «Индрик», 2013

Книга посвящена исследованию внешней политики России в 60-е годы XVII в. В это время выдающийся государственный деятель допетровской России А. Л. Ордин-Нащокин выдвинул свою программу решения стоявших перед Русским государством внешнеполитических проблем. В работе дан анализ этой программы, показаны усилия А. Л. Ордина-Нащокина, направленные на получение одобрения программы царем и его советниками и претворение ее в жизнь, а также установлены причины, по которым А. Л. Ордину-Нащокину не удалось осуществить свои обширные планы. В монографии использованы документальные материалы из разных фондов русского ведомства иностранных дел – Посольского приказа и фрагменты личного архива А. Л. Ордина-Нащокина.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

© Флоря Б. Н., 2013

© Индик, 2013

Содержание

Введение	6
Глава 1. Львовское посольство А. Л. Ордина-Нащокина	9
Глава 2. «О миру Великой Росии с Полшею»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Борис Николаевич Флоря
Внешнеполитическая программа
А. Л. Ордина-Нащокина и
попытки ее осуществления

© Текст, Флоря Б. Н., 2013

© Оформление, Издательство «Индрик», 2013

Введение

В истории внешней политики допетровской России 60-е годы XVII в. занимают особое место. К началу 60-х гг. Русское государство столкнулось с серьезными трудностями при попытках решения главных проблем, стоявших перед ним на западном, а отчасти и на южном направлении. Актуальным становился вопрос о поисках новых путей решения этих проблем. Ответ на возникшие вопросы дал в 60-е гг. XVII в. выдающийся государственный деятель допетровской России А. Л. Ордин-Нащокин, который разработал и предложил царю Алексею Михайловичу свою программу русской внешней политики по ее основным направлениям, предусматривавшую как раз новые подходы к решению традиционных проблем. Эта программа стала на некоторое время внешнеполитической программой Русского государства, а А. Л. Ордин-Нащокин – руководителем русской внешней политики.

О существовании у А. Л. Ордина-Нащокина особой внешнеполитической программы, о его спорах со сторонниками иных точек зрения писали уже в XIX в. СМ. Соловьев, В. С. Иконников, В. О. Ключевский¹. Документ, содержащий главные положения этого плана, записку, поданную царю в конце 1663 или начале 1664 г., опубликовал уже во второй половине XX в. саратовский исследователь И. В. Галактионов². В нескольких статьях и небольшой книге³ исследователь попытался дать характеристику внешнеполитической программы А. Л. Ордина-Нащокина, очертить ход его борьбы с противниками его взглядов во время долгих мирных переговоров с представителями Польско-Литовского государства; проанализировал он и некоторые важные аспекты деятельности А. Л. Ордина-Нащокина, когда после заключения Андрусовского перемирия он стал главой Посольского приказа – русского ведомства иностранных дел⁴.

И. В. Галактионов всю жизнь собирал источники о дипломатической деятельности А. Л. Ордина-Нащокина, но из-за скромных возможностей издательского центра в Саратове смог ввести в научный оборот далеко не весь известный ему материал, не всегда мог подкрепить свои заключения детальным разбором документов, вышедших из-под пера А. Л. Ордина-Нащокина. Ценность его работ снижает также убеждение автора, что в происходивших спорах А. Л. Ордин-Нащокин постоянно был прав, а его оппоненты, как правило, ошибались. Кроме того, ряд важных аспектов деятельности А. Л. Ордина-Нащокина как руководителя Посольского приказа остался за пределами внимания И. В. Галактионова. Наконец, саратовский исследователь не предложил своего объяснения того, почему А. Л. Ордину-Нащокину не удалось осуществить так тщательно обдуманные им планы.

Всё это делает оправданным повторное обращение к данной теме. Ее исследование может показать, как русская политическая мысль усиленно размышляла над решением ряда кардинальных проблем русской внешней политики в условиях сложной международной и внутриполитической ситуации и когда Русское государство всё более активно вовлекалось в европейскую международную жизнь.

¹ Соловьев СМ. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 6. С. 162–170, 173–185 и др.; Иконников В. С. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. Т. XL. 1883; Ключевский В. О. Сочинения. Т. III // Курс русской истории. Ч. III. М., 1988. Лекция LVII. С. 320 и сл.

² Галактионов И. В. К истории Андрусовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1959. № 6. С. 85–89.

³ Галактионов И. В. Из истории русско-польского сближения в 50–60 годах XVII века (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960. См. также: Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 18. М., 1959; Россия и Речь Посполитая на заключительном этапе русско-польской войны третьей четверти XVII века // Славянский сборник. Вып. 5. Саратов, 1993.

⁴ Галактионов И. В. Украина в дипломатических планах России, Польши, Крыма, Турции в конце 60-х годов XVII века // Славянский сборник. Вып. 3. Саратов, 1985.

В различных фондах Российского государственного архива древних актов содержатся многочисленные адресованные царю записки А. Л. Ордина-Нащокина, в которых дипломат не только выдвигал определенные предложения, но и обосновывал их обширной и разнообразной аргументацией. Особо следует отметить наличие в распоряжении исследователей фрагментов личного архива А. Л. Ордина-Нащокина. Часть таких материалов была доставлена в Москву после его смерти во Пскове. Один сборник сохранился в составе Погодинского собрания в РНБ. Наряду с текстами записок царю, некоторые из которых в официальной документации не сохранились, они содержат заметки, которые дипломат делал для себя, – оценки событий, соображения о том, что следует сделать. Следует отметить, что ни для одного государственного деятеля допетровской России мы подобными материалами не располагаем. Эти записки и заметки дают надежное основание для того, чтобы реконструировать его систему взглядов и проследить, как она менялась во времени. Обширная официальная документация позволяет судить о том, как планы и предложения А. Л. Ордина-Нащокина претворялись в его конкретной дипломатической деятельности, какие препятствия при этом приходилось преодолевать. Ряд важных материалов для освещения и дипломатической деятельности А. Л. Ордина-Нащокина, и русской внешней политики 60-х гг. XVII в., не привлечших пока к себе внимания исследователей, содержится также в архивных делах русского военного ведомства – Разрядного приказа.

Хотя основные положения внешнеполитической программы А. Л. Ордина-Нащокина в том виде, как они были предложены царю в конце 1663 – начале 1664 г., общеизвестны, до сих пор отсутствует критический анализ всей той обширной аргументации, которой дипломат обосновывал эти положения не только в изданной записке, но и в ряде документов, отложившихся в разных фондах Посольского приказа и в личной канцелярии царя – Приказе Тайных дел. Этот конкретный анализ может показать слабые и сильные стороны тех расчетов, на которых эти планы строились, и дать объективную оценку их реальности. Эта группа документов дает также возможность ответить на вопрос, как представлял себе А. Л. Ордин-Нащокин место России в системе европейских международных отношений – вопрос, которому в научной литературе пока не уделялось серьезного внимания.

Важной задачей для научного исследования (несмотря на наличие специально посвященных этой теме работ И. В. Галактионова) является объективная оценка роли этого государственного деятеля на продолжавшихся несколько лет русско-польских переговорах, которые привели к заключению Андрусовского перемирия 1667 г. и существенному изменению характера отношений между Россией и ее в то время главным западным соседом – Польско-Литовским государством. До сих пор остается не вполне ясным, какие цели ставил А. Л. Ордин-Нащокин на переговорах и в какой мере ему их удалось достичь, кто оказался более правым в спорах, происходивших в эти годы в русских правящих кругах, – А. Л. Ордин-Нащокин или его оппоненты в Боярской думе и Посольском приказе. Нет четкого ответа и на вопрос, что именно в инициативах А. Л. Ордина-Нащокина привлекло к себе внимание царя и побудило его сделать псковского дворянина руководителем русской внешней политики.

Если дипломатическая деятельность А. Л. Ордина-Нащокина в 1660–1667 гг. еще в определенной степени изучалась, то его деятельность на посту руководителя русской внешней политики в 1667–1668 гг., когда он пытался осуществить на практике свою внешнеполитическую программу, остается недостаточно освещенной.

Так, общеизвестно, что после заключения Андрусовского перемирия в целый ряд европейских государств, Османскую империю и Иран были почти одновременно направлены русские посольства. Некоторым из этих посольств (как, например, посольству П. И. Потемкина во Францию и Испанию) были даже посвящены специальные исследования, но до сих пор нет характеристики задуманной беспрецедентной в русской дипломатической практике акции в

целом, не раскрыта ее связь с внешнеполитической программой руководителя Посольского приказа.

До сих пор в сознании исследователей русской истории XVII в. сохраняется представление, что А. Л. Ордин-Нащокин был сторонником борьбы со Швецией за выход к Балтийскому морю и считал, что можно отказаться от Украины ради мира и союза с Речью Посполитой. Между тем еще В. О. Эйнгорн в конце XIX в.⁵ показал, что главные усилия А. Л. Ордина-Нащокина после заключения Андрусовского перемирия были направлены на благоприятное для России решение украинской проблемы, и именно неудача, постигшая его на этом направлении, стала причиной его ухода из политической жизни. В. О. Эйнгорну остался неизвестным ряд материалов из фонда «Сношения России с Польшей», которые позволяют с достаточной полнотой судить о планах решения украинской проблемы, выдвинутых А. Л. Ординым-Нащокиным в 1667–1668 гг. Исследование исходивших от него документации и заметок, оставленных им для себя, показывает, на каких расчетах эти планы основывались. Уже В. О. Эйнгорн поднял важный вопрос об ошибках, допущенных А. Л. Ординым-Нащокиным в его политике по отношению к Левобережной Украине. Изучение материалов, характеризующих политику западных и южных соседей России, а также настроения разных сил в украинском обществе, позволит дать ответ на вопрос, в чем эти расчеты оказались ошибочными и почему планы не могли быть реализованы.

На время, когда А. Л. Ордин-Нащокин стоял во главе Посольского приказа, пришлось такое важное событие, как «бескоролье» в Речи Посполитой, наступившее в 1668 г. после отречения короля Яна Казимира. От того, кто будет избран его преемником, в немалой мере зависела будущая внешнеполитическая ориентация Польско-Литовского государства. В научной литературе получила распространение точка зрения, основанная, впрочем, на собственных высказываниях А. Л. Ордина-Нащокина, что глава Посольского приказа выступал против выдвижения на выборах русского кандидата. Однако польский исследователь З. Вуйчик, основываясь на материалах польских источников, привел ряд свидетельств, рисующих роль русского канцлера в ином свете⁶. Вопрос о русской внешнеполитической линии во время «бескоролья» и о роли А. Л. Ордина-Нащокина в ее осуществлении заслуживает также специального исследования, как и то, как исход «бескоролья» повлиял на положение главы русской внешней политики.

Изучение комплекса материалов, связанных с изучением выработки внешнеполитической программы А. Л. Ордина-Нащокина и попыток ее осуществления, дает важный материал для постановки вопроса о том, как правящая элита допетровской России (в лице ее выдающегося представителя) представляла себе главные внешнеполитические проблемы, стоявшие перед ней, и способы их решения, как эти представления были связаны с общим уровнем знаний о европейских государствах, Османской империи, Иране и их политике.

⁵ Эйнгорн В. О. Отставка А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1897. Ноябрь.

⁶ Wójcik Z. Między raktatem and ruszowsk im a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968. S. 126 i n.

Глава 1. Львовское посольство А. Л. Ордина-Нащокина

Начало 60-х гг. XVII в. стало тяжелым временем для Русского государства. Долгая, продолжавшаяся уже шестой год, война с Речью Посполитой стала принимать неблагоприятный оборот, когда Польско-Литовскому государству удалось в мае 1660 г. заключить мир с другим своим противником – Швецией. В развернувшихся летом-осенью 1660 г. военных действиях русские войска потерпели крупные неудачи в Белоруссии и на Украине. Были утрачены территории Великого княжества Литовского на запад от Березины и Правобережная Украина. Для пополнения понесшей значительные потери армии в 1660 г. был проведен набор «даточных людей», но нужно было время для того, чтобы вчерашние крестьяне могли стать полноценной военной силой. Продолжение войны ставило перед необходимостью увеличения налогового бремени. В 1662 г. было принято решение о сборе нового чрезвычайного налога – «пятинны». Такая политика вела к усилению народного недовольства, ярким проявлением которого стал разразившийся в Москве 25 июля 1662 г. «медный бунт». Правда, в этой тяжелой ситуации было одно облегчающее обстоятельство. Войско Речи Посполитой перестало повиноваться власти и отказалось вести войну, пока ему не выплатят не выданное жалованье за предшествующие годы. Однако такое положение дел должно было закончиться, когда правительству Речи Посполитой удастся найти со своим войском общий язык.

В таких неблагоприятных условиях ближайшей конкретной задачей для русских политиков стало добиться для себя хотя бы кратковременной передышки, прекращения военных действий со стороны Речи Посполитой. Уже в декабре 1660 г. в Москве было принято решение отправить в Речь Посполитую посланников, чтобы заключить перемирие – «самое малое на год»⁷. Посланники, Замятня Леонтьев и Лукьян Голосов, выехали в Речь Посполитую в начале 1661 г.⁸ На переговорах в Вильно русские посланники выступили с предложением о заключении трехлетнего перемирия, действие которого распространялось бы и на союзников Речи Посполитой – татар⁹. Во время этого перемирия предлагалось провести переговоры о заключении «вечного мира» между государствами. В декабре 1661 г. с аналогичными предложениями в Варшаву был направлен новый посланник А. И. Нестеров¹⁰.

Понимая намерения русской стороны, польско-литовские политики отказались заключить перемирие¹¹. Вместе с тем они дали согласие начать переговоры об условиях «вечного» мира, и сеймом 1661 г. были назначены комиссары – представители Речи Посполитой, которым было поручено вести такие переговоры¹². В сентябре 1661 г. Ян Казимир предложил Алексею Михайловичу выслать своих представителей для участия в таких переговорах¹³, но в Варшаве не намерены были заключать перемирие на время переговоров¹⁴. В ответ на предложения Яна Казимира Алексей Михайлович назначил своих представителей во главе с кн. Н. И. Одо-

⁷ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1661 г. № 9. Л. 4–6.

⁸ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1661 г. № 9. Л. 11–12.

⁹ *Woźcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959. S. 93.*

¹⁰ РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 1.

¹¹ *Галактионов И. В. Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове // Ученые записки Института славяноведения. Т. 18. М., 1959. С. 215–216; Woźcik Z. Traktat andruszowski... S. 97, 116.*

¹² *Галактионов И. В. Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове // Ученые записки Института славяноведения. Т. 18. М., 1959. С. 215–216; Woźcik Z. Traktat andruszowski... S. 101–102.*

¹³ *Галактионов И. В. Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове // Ученые записки Института славяноведения. Т. 18. М., 1959. С. 215–216; Woźcik Z. Traktat andruszowski... S. 108.*

¹⁴ Как заявляли сенаторы на переговорах с А. И. Нестеровым, «мочно и в малом времени договор учинить о вечном покое и без перемирья» (РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 56, 96–97).

евским¹⁵, но предварительным условием для ведения мирных переговоров в Москве считали заключение перемирия¹⁶. Тем самым переговоры между сторонами зашли в тупик. В таком положении в Москве было принято решение о посылке А. Л. Ордина-Нащокина в Речь Посполитую.

Когда было принято решение отправить в Речь Посполитую А. Л. Ордина-Нащокина с особо важной миссией, установил И. В. Галактионов¹⁷. При отпуске находившегося в русском плену гетмана В. Госевского из Москвы в марте 1662 г. на приеме у царя ему в присутствии всей думы было заявлено, что Алексей Михайлович намерен отправить в Речь Посполитую А. Л. Ордина-Нащокина «для великих и тайных дел» и просит, чтобы ему верили, «как власным словам... царского величества»¹⁸. Уже эти формулировки говорят о том, что имелась в виду особенно важная и ответственная миссия. Однако если такое решение и было принято, то было неизвестно, как отнесутся к этому предложению власти Речи Посполитой. К тому же еще до получения ответа из Варшавы на пути будущего посольства возникло одно препятствие. Земли, через которые должно было ехать посольство, контролировало фактически не подчинявшееся властям Речи Посполитой литовское войско. Гетман В. Госевский, ознакомившись с положением дел на землях, занятых войском, писал А. Л. Ордину-Нащокину, что тому не следует отправляться в дорогу, «покамест на тои границе инои прииманья послов, посланников и гонцов порядок не постанвится»¹⁹.

Положение прояснилось лишь к началу августа 1662 г., когда королевский гонец Стефан Медекша, один из приближенных гетмана В. Госевского, привез грамоту Яна Казимира, в которой говорилось, что А. Л. Ордину-Нащокину не только будет обеспечен свободный проезд, но и ему окажут «великую честь, как годно великому послу»²⁰. Кроме того, гонец привез и проезжую грамоту для А. Л. Ордина-Нащокина от 18 июня 1662 г. и аналогичный документ от Казимира Жеромского – «маршалка» – выборного главы литовского войска от 18 июля того же года²¹. Кроме того, С. Медекша привез письмо К. Жеромского Ф. М. Ртищеву, в котором выражалась надежда, что теперь «речи все до успокоенья пойдут лутче»²².

Теперь можно было приступить к подготовке инструкций для будущего «великого посла». В деле об отправке А. Л. Ордина-Нащокина сохранился ряд документов, показывающих, как шла работа по подготовке его миссии. На важность этих документов для изучения русского внешнеполитического курса в начале 60-х гг. XVII в. справедливо указал И. В. Галактионов, который и подверг их анализу²³, но не со всеми наблюдениями и выводами саратовского исследователя можно согласиться.

Наиболее ранним из этих документов следует признать записку, помещенную на л. 9–13 дела. Никаких прямых указаний на авторство в этом тексте нет²⁴, но анализ содержания позволяет с достаточно высокой степенью достоверности установить ее автора. Так, обращает на себя внимание помещенный в тексте записки выпад против неумелого «кормчего», который, «не зная по ветром стран, может ли повеления государя своего исполнити»²⁵. Такой стиль весьма

¹⁵ *Wojsak Z. Traktat andruszowski...* S. 108.

¹⁶ См. соответствующие заявления А. И. Нестерова (РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 54–55, 63, 94–95).

¹⁷ *Галактионов И. В. Россия и Польша...* С. 217.

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 25. Л. 34–35 (текст грамоты Яна Казимира Алексею Михайловичу, составленный на основании сообщений гетмана).

¹⁹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 7. Л. 203.

²⁰ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 25. Л. 35 (перевод королевской грамоты).

²¹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 25. Л. 78–82, 84–85 (переводы этих документов).

²² РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 25. Л. 120–121.

²³ *Галактионов И. В. Россия и Польша...* С. 218–220.

²⁴ Галактионов не установил, кому она принадлежит.

²⁵ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 11.

характерен для высказываний Афанасия Лаврентьевича о его постоянных оппонентах – дьяках Посольского приказа. В той же записке упоминается о том, что говорил ее автору о «обрании» Алексея Михайловича на польский трон гетман Госевский, «едучи с Москвы, в Смоленске видеся»²⁶. 26 марта 1662 г. в Смоленске гетман встречался с русскими «великими послами» Н. И. Одоевским и И. С. Прозоровским, но на этой встрече вопрос о «обрании» царя никак не затрагивался. Вечером в тот же день гетман встречался с А. Л. Ординым-Нащокиным, а на следующий день покинул Смоленск²⁷. Все это позволяет достаточно определенно утверждать, что авторство данной записки принадлежит этому думному дворянину – советнику царя. Упоминание в тексте записки о приезде С. Медекши говорит о том, что записка была написана не ранее конца июля – начала августа 1662 г.²⁸

Записка началась с констатации того, что польско-литовская сторона хочет вести переговоры о заключении «вечного мира», «не откладывая на перемирие». Именно в связи с тем, что речь на переговорах должна была пойти именно о заключении «вечного мира», А. Л. Ордин-Нащокин приводил высказывания гетмана Госевского, что «прекратить, де, та война обираемьем, а иным приводить к миру тяжело»²⁹.

Как видно из последующего изложения, А. Л. Ордин-Нащокин признал справедливость соображений гетмана и исходил из того, что одним из главных пунктов договора должно было стать «обращение» одного из членов династии Романовых на польский трон. Именно поэтому он рекомендовал вести переговоры без «посредников» – французских или австрийских дипломатов, которые станут мешать заключению мирного договора на таких условиях. Из «записки» видно, что далеко не все разделяли такие взгляды. Так, неискусный «кормчий», по словам Афанасия Лаврентьевича, о «обрании» «и слышать не хочет»³⁰. Думный дворянин, напротив, доказывал, что это единственный путь к тому, как заключить мир и «великих убытков отбыть». Иначе польско-литовская сторона не пойдет на уступки и будет требовать большой компенсации, «вменяючи воины свои разоренья», чтобы «хану... и войску своему платить»³¹.

Доказывая, чем такое соглашение может быть выгодно для русской стороны, Афанасий Лаврентьевич совсем не уделил внимания вопросу, чем такое соглашение может быть привлекательным для Польско-Литовского государства. Все же некоторые косвенные указания на этот счет в тексте «записки» можно обнаружить. Так, в ней указывалось, что посол должен был ехать к Яну Казимиру «ко утверждению вечного союзу»³². Такой союз, очевидно, должен был стать надежной защитой для Речи Посполитой от ее неприятелей, прежде всего от турок и татар. Неслучайно в «записке» указывалось, что в случае «избрания» царя или царевича хан «войны на себя будет опасен, что путь к нему русские люди познали», а также отмечалось, что после заключения мира следует «турка и хана с обеих сторон замиривать»³³. А. Л. Ордин-Нащокин также полагал, что жалование коронному и литовскому войску можно было бы выплатить еще «при живом короле»³⁴. Все сказанное позволяет сделать вывод, что уже в этой записке нашла свое первое выражение такая черта взглядов А. Л. Нащокина, как его убеждение, что конец войне может быть положен лишь тогда, когда между Россией и Речью Посполитой будет заключен не только мир, но и союз, который оказался бы для Речи Посполитой более выгоден, чем ее

²⁶ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 9.

²⁷ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 7. Л. 150–160.

²⁸ С. Медекша прибыл в Смоленск 22 июля, принят царем – 7 августа (там же. № 25. Л. 1, 30).

²⁹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 9.

³⁰ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 11.

³¹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 12–13.

³² РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 12.

³³ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 13.

³⁴ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 13.

союз с Крымским ханством. «Обращение» царя на польский трон должно было, очевидно, быть гарантией прочности этого союза.

Вместе с тем одно из мест «записки» указывает на то, что А. Л. Ордин-Нащокин обдумывал и другие возможности, как добиться заключения мира. Так, мы встречаем здесь предложение, что «надобно иметь союз с французом, спомогать ему тайным советом о Королевстве Польском, а чаять ево к тому делу в совет быть охотна»³⁵. Очевидно, А. Л. Ордин-Нащокин предполагал обещать поддержку французскому кандидату на польский трон и тем побудить влиятельных деятелей профранцузской партии в Речи Посполитой добиваться заключения мира с Россией на приемлемых для русской стороны условиях. Сопоставление с последующими документами покажет, в какой мере все эти советы были приняты во внимание царем и его советниками.

Следующий документ, отражающий процесс подготовки посольства, помещен на л. 22–40 дела под заголовком: «Статьи, что писать в наказ думному дворянину Афанасью Лаврентьевичу Ордину Нащокину, как быть ему у польского Яна Казимера короля».

Именно в этом документе были сформулированы основные условия мира, которые следовало предложить королю и сенаторам. Главное – это были предложения по вопросу о границах. Их краткую характеристику дал уже И. В. Галактионов³⁶. А. Л. Ордин-Нащокин должен был предлагать, «чтоб граница учинить по Днепр и Двину. У великого государя в стороне быть по Двину Витебску и Полоцку, а по Днепру от Смоленска вниз по Быхов, а от Быхова до Киева, а от Киева до Запорогов»³⁷. Это было очень существенное отступление от тех условий, которые русское правительство выдвигало на мирных переговорах 1660 г., и означало, что царь и его советники проявили готовность считаться с реальным, неблагоприятным для Русского государства положением дел. Предложенные границы означали согласие русской стороны заключить мир на тех условиях, что за каждым из государств сохранялись бы территории, реально находившиеся под их властью (*uti possidetis*). Это показывало, что русская власть стремится положить конец затянувшейся войне.

Этим, однако, русские предложения по вопросу о границах не ограничивались. В подготовленном для А. Л. Ордина-Нащокина тексте предусматривалось, что если польско-литовская сторона не согласится на такие условия мира, то следовало «по последней мере и Двины з городами уступить, а говорить о старых городех, о Смоленске с товарищи да черкас бы поделить для успокоенья»³⁸. Из этого текста следует, что в Москве были готовы уступить Речи Посполитой еще находившуюся под русской властью территорию Восточной Белоруссии, удовлетворившись возвращением лишь земель Смоленщины, утраченных Русским государством в годы Смуты. Вместе с тем на Украине каждое из государств должно было удерживать за собой соответственно восточную и западную часть территории, заселенной «черкасами». Дополнительные условия, касающиеся положения на Украине, помещенные в наказе, показывают, что в Москве размышляли над тем, как покончить с постоянной смутой и противоборством «партий» на Украине, противоборством, которое создавало условия для постоянного вмешательства татар. Сам по себе раздел территории «черкас» между Россией и Речью Посполитой «по Днепр» этих проблем не решал. Именно в этой связи в инструкциях А. Л. Ордину-Нащокину подчеркивалось, что следует добиваться, чтобы «черкасы содержаны были по всякой крепости, а хану б крымскому прилучены не были», иначе «обоим государствам будет тягость боль-

³⁵ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 13.

³⁶ Галактионов И. В. Россия и Польша... С. 219.

³⁷ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 23.

³⁸ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 24.

шая»³⁹. Однако при этом никак не объяснялось, какими средствами этого добиться и что следует на этот счет записать в мирном договоре.

Рассмотрение этих положений инструкций позволяет утверждать, что русское правительство стремилось добиться прекращения войны, сделав противнику серьезные уступки на территории Белоруссии. О заключении одновременно с мирным договором «вечного союза» между государствами в инструкциях вообще не упоминалось (даже там, где речь шла об общей заинтересованности государств в борьбе с крымскими татарами). Если А. Л. Ордин-Нащокин советовал предложить Речи Посполитой союз, чтобы избежать уступок, то составители инструкций предпочли пойти по другому пути. Однако некоторые советы А. Л. Ордина-Нащокина были приняты во внимание. Так, в инструкциях послу предписывалось ради заключения мира действовать «через королеву, угрожая ей, делать через француза»⁴⁰.

Были приняты во внимание и рекомендации Афанасия Лаврентьевича добиться прекращения войны благодаря «обращению» Алексея Михайловича на польский трон. Посол должен был выяснить у гетмана Госевского, есть ли реальные шансы на избрание царя преемником Яна Казимира. В случае благоприятного ответа следовало обещать, что царь гарантирует шляхте «права» и «вольности», даст «жалованье многое и от неприятелей оборона будет». Следовало также сообщить, что управление Речью Посполитой (по-видимому, в его отсутствие) царь готов передать 4 человекам, «которых они по волям своим изберут»⁴¹. Это предложение было явно ответом на требование польско-литовской стороны, выдвигавшееся на переговорах под Вильно в 1656 г., не назначать на время его отсутствия наместника – «вице-короля»⁴². Вместе с тем посол не получил никаких указаний по главному волновавшему обе стороны вопросу – каковы должны быть в этом случае границы между государствами. По-видимому, в Москве не очень верили в реальность «избрания» и А. Л. Ордин-Нащокин должен был лишь выяснить, есть ли для этого какая-либо реальная почва.

На этом работа над подготовкой инструкций для А. Л. Ордина-Нащокина не прекратилась.

Следующий этап работы отражает перечень адресованных царю вопросов, составленный, по-видимому, дьяками Посольского приказа при работе над текстом наказа. Появление ряда таких вопросов было связано с важными сообщениями, которые привез из Речи Посполитой А. И. Нестеров. Наряду с официальными переговорами, которые вел посланник с сенаторами (о них уже говорилось выше), у него состоялась встреча с литовским канцлером К. Пацем 10 марта «в ночи тайно»⁴³. По его словам, канцлер встретился с посланником, «чтоб... хотя малое начало положить к вечному покою». На этой встрече К. Пац обратился через А. И. Нестерова к царю с важным предложением. Выразив понимание, что на будущих переговорах царь будет «крепко стоять» за Смоленск и другие города Смоленщины (Дорогобуж, Белую), утраченные в годы Смуты, он предложил: пусть царь пришлет королю «тайно» 170 000 «червонных», «чтоб те червонные роздать шляхте, которая шляхта тех городов в уездах маестности имели»⁴⁴. В своем отчете А. И. Нестеров отметил, что «о тех делех канцлер говорил с Офонасьем не по один день, многими разы говорил»⁴⁵. Сведения эти стали известны в Москве, по-видимому, в начале августа⁴⁶. Прозвучавшее с польско-литовской стороны предложение выплатить денежную компенсацию за уступку территории не могло не привлечь к себе внимания русских поли-

³⁹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 25.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 34.

⁴¹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 36–37.

⁴² Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 174.

⁴³ РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 164.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 168–169.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 79. 1661 г. № 18. Л. 170.

⁴⁶ Отпущенный 13 июля из Варшавы, 18 июля А. И. Нестеров еще находился в дороге (там же. Л. 156).

тиков. Вопрос ставился перед царем как в общей форме (следует добиваться мира «уступкою ли городов всех завоеванных или казной перекупать»)⁴⁷, так и более конкретно. Дьяки спрашивали, сколько денег платить за Смоленск «с прежними поступленными городами» и «сколько давать» за Киев и «черкасские города»⁴⁸.

Ряд других вопросов закономерно возникал в связи с неясностью положений наказа о политике по отношению к Украине и Крыму. Поскольку по условиям будущего мирного договора Правобережная Украина должна была остаться под властью Речи Посполитой, дьяки спрашивали царя, не следует ли при этом «для заступления» черкас добиваться от властей Речи Посполитой подтверждения Зборовского договора⁴⁹. Одновременно дьяки спрашивали: «хана крымского как замиривать? И в Украине Великой России и Королевству Польскому каким обычаем остерегание будет?» Наконец, в вопросах затрагивалась и тема «обранья» царя на польский трон. Дьяки также допускали возможность, что жители Речи Посполитой, «хотя себе обороны от посторонних неприятель», пожелают избрать царя преемником Яна Казимира, но при этом ставили перед царем вопрос, следует ли к этому «приступать... правдою или отговором отбыть»⁵⁰. Уже сама формулировка вопроса показывает, что дьяки, как об этом и писал А. Л. Ордин-Нащокин, вовсе не были сторонниками даже переговоров по этому вопросу.

Текст окончательных решений, определивших текст инструкций А. Л. Ордину-Нащокину, сохранился в двух версиях. Копия посланного думному дворянину «тайного наказа» сохранялась на л. 42–72 дела об отправлении его в Речь Посполитую. Кроме того, сохранился дефектный черновик того же документа среди бумаг Приказа Тайных Дел⁵¹. В этом черновике имеется преамбула, содержащая важные сведения о том, когда и кем были приняты эти важные окончательные решения.

Совещание Алексея Михайловича «з бояры в комнате» состоялось 1 октября 1662 г. В нем участвовали такие влиятельные советники царя, как князь Я. К. Черкасский и И. Д. Милославский, Б. М. Хитрово и Ф. М. Ртищев, а также А. Л. Ордин-Нащокин и «посольской думной дьяк Ларион Лопухин»⁵².

В упоминавшемся выше «докладе» перед царем настойчиво ставился вопрос, как поступать, если поляки захотят «через войну своего достигнуть», что сделать, чтобы «вперед войны не продолжить», «чтоб без дела из Польши не поворотитца»⁵³. Сопоставление окончательного текста инструкций с первоначальным вариантом позволяет установить, что предполагали предпринять царь и его советники для решения этой задачи.

Формально условия мира, предложенные Речи Посполитой, оставались прежними, но ряд внесенных в инструкции дополнительных статей показывает, что ради достижения мира в Москве готовы были пойти на новые уступки Речи Посполитой. А. Л. Ордину-Нащокину в ст. 8 окончательных инструкций предлагалось предложить Речи Посполитой до 500 тыс. золотых червонных «за все города, которые в росписи», приложенной к инструкциям⁵⁴. Знакомство с «росписью»⁵⁵ показывает, что она включает в себя перечень 14 городов, расположенных в Смоленщине и в Северской земле (Стародуб, Новгород Северский, Чернигов), утраченных Русским государством в годы Смуты («они от Московского государства в литовскую сторону прилучены по большой неволе»). В случае согласия польско-литовской стороны на эти условия

⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 6.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 1.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 2.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 3.

⁵¹ РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных Дел). № 128. Л. 2–26.

⁵² РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных Дел). № 128. Л. 2–3.

⁵³ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 5.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 47–48.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 73.

А. Л. Ордин-Нащокин получил полномочия подписать мирный договор (ст. 9 инструкций)⁵⁶. Таким образом, ради достижения мира царь и его советники готовы были удовлетвориться возвращением этих земель, уступив Речи Посполитой не только Восточную Белоруссию, но и значительную часть Левобережной Украины⁵⁷. Это показывает, как сильно в Москве были заинтересованы в заключении мира. Однако этим возможные уступки не ограничивались.

В ст. 6–7 инструкций послу предписывалось «по самой крайней мере» добиваться уступки Смоленска, Дорогобужа и Белой за 170 тыс. золотых⁵⁸, т. е. принять предложение канцлера Паца. Однако в этом случае послу предписывалось, достигнув договоренности, «верою и руками меж себя в том не крепитца»⁵⁹. Это показывает, что такого крайнего решения в Москве надеялись все же избежать.

Вместе с тем царь и его советники отдавали себе отчет в том, что в сложившейся ситуации, когда население Левобережной Украины не желало подчиняться польской власти, а на Правобережной Украине польская власть была в значительной мере фиктивной и усиливалось влияние Крымского ханства, русский «уход» из Украины мог создать не только для Русского государства, но и для Речи Посполитой новые опасные осложнения. А. Л. Ордину-Нащокину поручалось откровенно разъяснять властям Речи Посполитой, что если царь согласится теперь уступить Киев и города «Малые Росии... которые по сю сторону Днепра», то «черкасы» этих городов присоединятся к крымскому хану. Королю следует, – должен был он объяснять сенаторам, – «ныне взять у черкас заднепрскую сторону и одержать за собою накрепко, чтобы хан крымской и черкасы замыслами своими по прежнему не соединились». Царь согласится вывести свои войска из городов Левобережной Украины лишь тогда, когда «королевское величество изволит послать на заднепрскую сторону гетмана, а с ним ратных людей, кем тои стороны черкас овладеть»⁶⁰.

При оценке этих предложений следует иметь в виду, что в момент отправки посольства это предложение было явно невыполнимо, так как коронное войско упорно отказывалось идти на службу, пока не получит жалованья. Кроме того, следует учитывать последствия, к которым привела бы посылка коронного войска на Правобережную Украину, – резкое обострение отношений властей Речи Посполитой и с местным казачеством, и с Крымским ханством. Тем самым создавалась бы новая ситуация, в которой на мирных переговорах русская сторона могла бы гораздо успешнее отстаивать свои позиции. Вместе с тем этот, посвященный украинской проблематике, раздел инструкций завершался следующим предписанием: «Будет они того не похотят, и им говорить с клятвою, что им и другая сторона будет отдана на посольстве, как будет съезд у государевых великих послов с королевскими комиссарами»⁶¹, когда будут выработаны окончательные условия мирного соглашения. Однако на такое решение в Москве также могли пойти лишь «по самой конечной мере». Неслучайно А. Л. Ордину-Нащокину предписывалось в этом случае «писмом о черкасах не крепитца»⁶².

Следует отметить еще одну особенность окончательной редакции инструкций. Если в первоначальном варианте еще имелись некоторые выражения, которые могли бы указывать на возможное сотрудничество обоих государств, то в окончательной редакции подобных указаний уже не было. В 12-й статье инструкции в ответ на возможный вопрос сенаторов, как оба государства будут оберегать свои государства от набегов крымских татар, если Ян Казимир

⁵⁶ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 48–49.

⁵⁷ Это важное положение инструкций И. В. Галактионовым не отмечено.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 45–46.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 49.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 52–55. Эти важные предложения, адресованные властям Речи Посполитой, также не отмечены в исследовании И. В. Галактионова.

⁶¹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 56.

⁶² РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 56.

«от крымского хана отлучитца», послу предписывалось отвечать, что каждое из государств должно защищать свою территорию своими собственными силами⁶³. Показательна с этой точки зрения и небольшая вставка в текст первоначального варианта, где содержалось обещание «жалованья» шляхте в случае избрания Алексея Михайловича на царский трон. К этим словам было добавлено: «ратных людей в помочь им не сулить»⁶⁴. Таким образом, предложения А. Л. Ордина-Нащокина добиться приемлемых условий мира, заключив одновременно с «вечным миром» «вечный союз» между Россией и Речью Посполитой, не были приняты.

Русский чрезвычайный посол оказался перед решением трудной и неблагодарной задачи. Он должен был добиваться мира с Речью Посполитой ценою новых уступок вплоть до принятия таких условий, которые он не получил полномочий закреплять «на письме», так как в Москве надеялись, что в конечном итоге их удастся избежать. Особую трудность составляло то, что в обмен на приемлемые для русской стороны условия мира он имел возможность предлагать польско-литовской стороне только денежную компенсацию.

После решений совещания 1 октября 1662 г. события стали развиваться быстро. 5 октября датирована верительная грамота А. Л. Ордина-Нащокина, направленного в Варшаву для переговоров о заключении «вечного мира»⁶⁵. 19 октября А. Л. Ордин-Нащокину, уже отправившемуся в дорогу, был выслан текст «тайного наказа»⁶⁶. Путь его шел из Москвы во Псков, а затем в Борисоглебов (Динабург), крепость на Западной Двине. Отсюда, по-видимому, А. Л. Ордин-Нащокин намерен был направиться в Варшаву через земли, контролировавшиеся литовским войском.

Когда 5 декабря 1662 г. А. Л. Ордин-Нащокин прибыл в Борисоглебов, он узнал о событиях, которые могли неблагоприятно сказаться на результатах его миссии. В Москве рассчитывали (и это мнение разделял, по-видимому, и сам А. Л. Ордин-Нащокин), что посол при выполнении своей задачи может рассчитывать на содействие гетмана В. Госевского. При своем освобождении из русского плена в марте 1662 г. гетман обещал «о покое хрестьянском... радеть всею душою»⁶⁷. Аналогичное обещание содержалось в письме, которое В. Госевский послал царю при своем отъезде из Смоленска⁶⁸. Еще раз он повторил свое обещание в грамоте от 23 июня н. ст., которую привез в Москву С. Медекша⁶⁹. Поэтому уже в первоначальном варианте инструкций послу предписывалось с гетманом «видатца, как мочно, и о тех делех с ним говорить»⁷⁰. У В. Госевского следовало также добиваться «прямой ведомости», есть ли у царя какие-либо шансы стать преемником Яна Казимира⁷¹. После возвращения А. И. Нестерова посол получил указания «ссылатца» также с литовским канцлером К. Пацем⁷². И вот в начале декабря 1662 г. А. Л. Ордин-Нащокин узнал, что после волнений, охвативших литовское войско, гетмана В. Госевского расстреляли, близкого к нему выборного главу литовского войска Казимира Жеромского, который выдал проезжую грамоту А. Л. Ордину-Нащокину, «розсекли», а чтобы схватить и судить К. Паца, войско отправило в Варшаву «тысечю человек»⁷³. Это означало, что шансы на содействие литовских политиков, заинтересованных в заключении мира с Россией, теперь сильно уменьшились. Ближайшим следствием этих событий стала

⁶³ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 51.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 66.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 74–78.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 40.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 7. Л. 9.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 7. Л. 91–94.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 25. Л. 37–39.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 23.

⁷¹ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 37.

⁷² РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 43.

⁷³ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 87.

необходимость для посла просить проезжей грамоты у нового выборного главы литовского войска – полковника Неверовского⁷⁴.

По-видимому, с получением такой грамоты возникли трудности⁷⁵ и пришлось искать другое решение. Как сообщал в Москву смоленский воевода Б. А. Репнин, еще до Рождества 1662 г. А. Л. Ордин-Нащокин и его товарищ по посольству дьяк Григорий Богданов выехали в Курляндию, чтобы попасть в Речь Посполитую через территорию герцогства⁷⁶. Из Курляндии русским послам предстояло совершить длительное путешествие во Львов, где находились король Ян Казимир и его ближайшие советники, уговаривавшие коронное войско вернуться на службу. Во Львов послы прибыли в начале марта 1663 г.⁷⁷ Отсутствие «статейного списка» – отчета о поездке не позволяет составить представление о том, что происходило во время этого достаточно долгого путешествия. Не обнаружил каких-либо сведений на этот счет и З. Вуйчик, собиравший сведения о посольстве в польских архивах. В какой-то мере этот пробел могут заполнить припоминания о львовском посольстве в более поздних записках А. Л. Ордина-Нащокина. В так называемом «Ведомстве желательным людям», одной из поздних записок дипломата, сохранился его рассказ о встрече на пути с коронным войском, стоявшим лагерем под Люблином⁷⁸.

По представлениям посла, собравшиеся в лагере военные хотели «побить» сенаторов «по ссоре хана крымского», и в лагере у них находился посол хана. Дело, по-видимому, обстояло по-иному. Хан, заинтересованный в разворачивании военных действий против Русского государства, как он это делал и ранее, пытался убедить войско вернуться на службу⁷⁹. Важно, однако, что предпринял дипломат, когда у него сложилось такое представление о происходящем. Как вспоминал А. Л. Ордин-Нащокин, когда собравшаяся в военном лагере шляхта просила посла сообщить о целях его посольства, он говорил им о заключении мира между Россией и Речью Посполитой (по его словам, они выслушали у него «обнадеживание к миру»). После этого, по его словам, когда послы шляхты вернулись в лагерь, они тут же отослали прочь ханского посла, заявив ему, что «у обоих государей великих будет нерозерванный союз, а хан бы в соседстве держал с обоими государями дружбу». Вероятно, успех своих речей А. Л. Ордин-Нащокин преувеличил. Однако ясно, что он говорил послам коронного войска, что мир между Россией и Речью Посполитой будет сопровождаться заключением «вечного союза» между этими государствами и что этот союз станет надежной защитой от татарских набегов. Таким образом, еще не прибыв на место назначения, А. Л. Ордин-Нащокин стал излагать не то, что ему было поручено в посольском наказе, а свои взгляды на характер будущих отношений между Россией и Речью Посполитой.

Как показал в своем исследовании З. Вуйчик, король и его советники, находившиеся во Львове, не придавали ожидавшимся переговорам серьезного значения⁸⁰. В королевской резиденции носились с планами организации большого похода на Россию, который привел бы к разгрому главных сил русской армии и маршу победоносного войска на Москву, под стенами которой победитель должен был продиктовать свои условия мира⁸¹. Красноречивым свидетельством ожиданий, которые связывались с этим походом, может служить брошюра, появившаяся

⁷⁴ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 88.

⁷⁵ В Литве, как известно, возражали против переговоров с А. Л. Ординым-Нащокиным (*Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 119–120).

⁷⁶ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 91.

⁷⁷ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 121.

⁷⁸ *Конреева Т. Н. «Ведомство желательным людям» (Из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина) // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 348.*

⁷⁹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 120, 132.

⁸⁰ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 114–115.

⁸¹ *Kersten A. Stefan Czarniecki. Warszawa, 1963. S. 497.*

яся, уже когда этот поход стал фактом. Ее неизвестный автор давал советы не пытаться брать Москву штурмом, а блокировать город, не допуская подвоза в него продовольствия. Тогда голодающее население русской столицы, еще недавно бунтовавшее против царя, снова поднимет восстание⁸².

Серьезным препятствием на пути к осуществлению этих планов был отказ войска вернуться на службу, не получив жалованья за прошлые годы. Король и его советники выехали во Львов именно для того, чтобы устранить это препятствие. Этого удалось добиться еще во время пребывания А. Л. Ордина-Нащокина во Львове. Уже к 19 апреля было достигнуто предварительное соглашение с коронным войском о том, что оно не только вернется на службу, но и сразу выступит в поход, получив лишь сравнительно небольшую часть того, что оно требовало. В конце апреля во Львов пришли известия о возвращении на службу литовского войска⁸³. Вернув войско на службу и обеспечив поддержку Крыма, политики Речи Посполитой не были намерены идти на какие-либо уступки противной стороне. Таким образом, для решения задач, поставленных перед А. Л. Ординым-Нащокиным, сложилась крайне неблагоприятная ситуация.

З. Вуйчик собрал и внимательно проанализировал сообщения источников, отложившихся в польских архивах, о ходе переговоров во Львове в апреле – мае 1663 г. Его работа дает хорошее представление о линии поведения, которую избрал русский посол на переговорах. Однако З. Вуйчик не был знаком с данными дипломату инструкциями и не мог ответить на вопрос, насколько избранная им линия поведения соответствовала этим инструкциям. Не поднял этого вопроса и И. В. Галактионов, хотя он был знаком и с данными дипломату инструкциями, и с книгой З. Вуйчика.

Когда после вступительной, формальной части на заседании 4 апреля н. ст. дело дошло до обсуждения условий мира, русская сторона заявила, что главным условием мира должно стать возвращение России земель, утраченных ею в годы Смуты, – Смоленщины и Северной земли «с городами всеми и уездами»⁸⁴. Такой вариант решения территориальных споров между государствами действительно содержался в инструкциях, данных А. Л. Ордину-Нащокину. Вместе с тем, однако, в тот же день он предпринял и другой шаг, обратившись с письмом к литовскому канцлеру К. Пацу. К. Пац был главой польско-литовской делегации на переговорах, но, как представляется, обращение к нему было связано с тем, что после его «тайных разговоров» с А. И. Нестеровым у А. Л. Ордина-Нащокина были основания видеть в нем политика, который заинтересован в заключении мира с Россией. В этом письме, призывая к заключению мира, А. Л. Ордин-Нащокин указывал на существование общей опасности, угрожающей обоим государствам со стороны Османской империи и Крыма⁸⁵. Такой шаг тоже не выходил за рамки инструкций, но уже обозначил линию поведения, избранную послом, – не столько предлагать новые уступки, сколько указывать на выгоды, которые принесет мир с Россией.

Письмо это передал К. Пацу посетивший послов известный польский дипломат Ян Шумовский. Сохранилась запись имевшей при этом место его беседы с А. Л. Ординым-Нащокиным. В этой беседе А. Л. Ордин-Нащокин поднял вопрос о заключении между Россией и Речью Посполитой союза против всех неприятелей. Речь шла при этом, в частности, о том, что оба государства могли бы оказать помощь императору в его войне с османами. Для этой цели царь мог бы предоставить Речи Посполитой значительные денежные субсидии. Союз должен был принести Речи Посполитой и целый ряд других важных выгод. «И Рига ваша, не вынимая

⁸² Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy. T. II (1661–1664) / Zebr. i opr. Stefania Ochmann-Staniszevska. Wrocław; Warszawa, 1990. S. 210.

⁸³ Kersten A. Stefan Czarniecki... S. 485, 488.

⁸⁴ Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 124.

⁸⁵ Wójcik Z. Traktat andruszowski... S. 126.

сабли, будет, – передавал Шумовский речь своего собеседника, – и казаки в большом повиновении будут; ваш мир со шведами непрочен, а когда будем в согласии, то вместе против них будем воевать»⁸⁶. Никаких подобных предложений инструкции А. Л. Ордина-Нащокина не содержали. Напротив, данные послу указания прямо говорили о нежелательности военного сотрудничества обоих государств. Невзирая на это, А. Л. Ордин-Нащокин выдвинул программу военно-политического союза двух государств, явно предусматривавшую их совместные действия против Швеции в Прибалтике и против Османской империи и Крыма на юге. Одним из результатов этого союза, по смыслу сказанного, должно было стать укрепление позиций Речи Посполитой на Правобережной Украине. Перспектива приобретения таких выгод, по мысли дипломата, должна была побудить польско-литовских политиков согласиться на русские условия мира.

9 апреля последовал ответ польско-литовской стороны на русские предложения. Они были резко отвергнуты. Предложенные сенаторами условия мира предусматривали возвращение к довоенным границам и выплату русской стороной, как виновницей войны, контрибуции в размере 10–12 млн. золотых⁸⁷. Такая жесткая позиция польско-литовских политиков явно лишала какого-либо смысла вопрос об избрании царя (или его сына) на трон Речи Посполитой, и на последующих переговорах об этом речи не было. Инструкции А. Л. Ордину-Нащокину предусматривали возможность того, что Речь Посполитая не согласится на русские условия мира. В этом случае он должен был предлагать новые, более значительные уступки, избегая, однако, фиксировать в окончательной форме достигнутые договоренности. Но А. Л. Ордин-Нащокин пошел другим путем.

Он добился встречи наедине, «тайным обычаем», с К. Пацем и на этой встрече более подробно, в развернутой форме изложил свои соображения о возможных условиях союза между Россией и Речью Посполитой. Польский перевод этих предложений А. Л. Ордина-Нащокина был им передан литовскому канцлеру⁸⁸. Подробная характеристика содержания этого документа дана в работе И. В. Галактионова⁸⁹. Это был шаг еще более рискованный, чем разговоры с Я. Шумовским. На этот раз собеседником посла был один из высших сановников Речи Посполитой, и дело не ограничилось устными высказываниями. Между тем никаких полномочий для переговоров о союзе между Россией и Речью Посполитой А. Л. Ордин-Нащокин в Москве не получил.

Во вступительной части этой записки А. Л. Ордин-Нащокин настаивал на справедливости предложенных условий мира: «Смоленск со всеми Северскими городами по-прежнему вечным миром к Московскому государству утвердiti, что в разоренье Московское через войну к Польскому государству было прилучено»⁹⁰. Таким образом, речь шла о возвращении Русскому государству земель, утраченных им в годы Смуты. В заключительной части записки А. Л. Ордин-Нащокин доказывал, что такой мир был бы выгоден обеим сторонам. Россия получила бы удовлетворение за прежние «оби́ды», «что наша сторона в оби́де ставилась за невольным миром», а Речь Посполитая без войны получила бы другие земли, занятые русскими войсками⁹¹. Это в целом соответствовало инструкциям, но к сказанному А. Л. Ордин-Нащокин добавил еще одно важное обещание. Никто в Речи Посполитой, – писал он, – не будет выступать против заключения такого мира, так как «тех поступных городов к Великой Росии служи-

⁸⁶ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 126.

⁸⁷ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 126.

⁸⁸ Русский текст, сохранившийся в архиве Посольского приказа, опубликован И. В. Галактионовым (*Галактионов И. В. К истории Андрусовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1959. № 6. С. 83–85*). Польский перевод использован в исследовании З. Вуйчика (*Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 127–128).

⁸⁹ *Галактионов И. В. Россия и Польша...* С. 221–223.

⁹⁰ *Галактионов И. В. К истории...* С. 83.

⁹¹ *Галактионов И. В. К истории...* С. 85.

лые люди... при маеностех своих вечно будут... и отдален от своей отчизны никто не будет»⁹². Давать обещание, что шляхтичи – граждане Речи Посполитой сохранят под русской властью свои владения, посла никто не уполномочивал.

Важно отметить и другое – уже в этой части своих предложений русский дипломат подчеркивал, что на такие уступки русская сторона готова пойти «для союзу нерозерваного», «для союзу вечного миру», т. е. чтобы заключение мира сопровождалось заключением договора о союзе между государствами. Очевидно, что это резко расходилось с инструкциями, составители которых всячески избегали какой-либо постановки вопроса о совместных действиях обоих государств. Между тем в предложениях А. Л. Ордина-Нащокина, как справедливо отмечали и И. В. Галактионов, и З. Вуйчик, главное место занимало подробное перечисление тех выгод, которые принесет такой союз обоим государствам. «А не учинив соединения, – подчеркивал он в своей записке, – от сторонних прибытков овладеть друг без друга невозможно»⁹³.

Как справедливо отметил И. В. Галактионов, на первое место в этой внешнеполитической программе А. Л. Ордина-Нащокина были поставлены совместные действия обоих государств по отношению к Швеции⁹⁴. Вопрос об отношениях со Швецией затрагивался уже в проекте, а затем и в окончательном тексте инструкций А. Л. Ордину-Нащокину. Послу поручалось выяснить, не согласится ли Ян Казимир принять на мирных переговорах посредничество шведского короля⁹⁵. Такая постановка вопроса ясно говорит о том, что составители инструкций рассматривали Швецию как государство, дружественное по отношению и к России, и к Речи Посполитой. В предложениях А. Л. Ордина-Нащокина, напротив, Швеция выступала как государство, враждебное и России, и Речи Посполитой, которое своими действиями старается разжигать конфликт между ними. Эти действия, – указывал он далее, – являются достаточным основанием для России и Речи Посполитой потребовать возмещения за нанесенные им «шкody». Он выражал уверенность, что действуя так, каждое из государств получит возможность «посольским правом и рассудком христианским свое без меча отыскать». Эта уверенность основывалась на том, что Швеция находится в изоляции. Австрия, Дания, Голландия, Бранденбург «всегда над шведом отмщения ради», и возможный арбитраж правителей этих государств будет в пользу будущих союзников («посторонние государи присудят без шкody свое взять»)⁹⁶. Именно в связи с планами антишведской политики А. Л. Ордин-Нащокин выдвигал предложение уступить России «Полуденные Лифлянты» с Динабургом, а за это царь Речь Посполитую «на жалованье ратных людей казною ссудит и споможет», что будет способствовать общему «успокоению» в этом государстве. Это предложение, как и другие, не предусматривалось инструкциями, в них предусматривалась посылка в Речь Посполитую «жалованья» лишь в случае выбора царя на польский трон.

Выдвижение А. Л. Ордин-Нащокиным на первый план вопроса о совместном выступлении обоих государств против Швеции было, несомненно, связано с его общим представлением о приоритетах русской внешней политики, в которой важное место должна была занять борьба за выход России к Балтийскому морю. Следует, однако, учитывать и опыт контактов русского политика в 1657–1658 гг. с гетманом В. Госевским, опыт, свидетельствовавший о серьезной заинтересованности литовских политиков в укреплении позиций Речи Посполитой в Ливонии за счет Швеции при возможном сотрудничестве с Россией⁹⁷. Канцлер К. Пац, к которому обра-

⁹² Галактионов И. В. К истории... С. 85.

⁹³ Галактионов И. В. К истории... С. 83.

⁹⁴ Галактионов И. В. Россия и Польша... (*Wojcik Z. Traktat andruszowski...* S. 127–128).

⁹⁵ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 34–35, 60–61.

⁹⁶ Галактионов И. В. К истории... С. 83–84.

⁹⁷ Об антишведских планах, формировавшихся при участии В. Госевского, см.: Флоря Б. Н. Русско-шведские мирные переговоры в Валиесаре и Речь Посполитая // Славяноведение. 2005. № 2. С. 48–49.

щался посол, был близким сотрудником убитого гетмана, о чем А. Л. Ордину-Нащокину было хорошо известно.

Когда содержание этих «тайных разговоров» стало известно в Москве после возвращения А. Л. Ордина-Нащокина в столицу, эти его высказывания стали предметом острой критики. Сообщения на этот счет содержатся в его записке «О миру Великой России с Полшею»⁹⁸, написанной в конце 1663 г. или в начале 1664 г.⁹⁹ Из этой записки узнаем, что Афанасий был в Москве «много истязан против статейного списка тайных разговоров» и речь шла при этом не только о том, что посол явно превысил свои полномочия. Оправдываясь, А. Л. Ордин-Нащокин писал царю, что он обличал «свейские явные преступления... на вечную оборону Великой России, а не нарушая sweйского миру, ни войны всчиная»¹⁰⁰. Из этих высказываний ясно, что дипломата обвиняли в том, что его антишведские высказывания (изложенные к тому же в письменной форме), если бы они стали известны шведским правящим кругам, могли бы привести к обострению отношений со Швецией, а то и к войне с ней в невыгодных для Русского государства условиях. Формально А. Л. Ордин-Нащокин был прав, утверждая, что он не призывал польско-литовских политиков к войне со Швецией, предлагая добиваться уступок мирным путем, но и у его оппонентов – скорее всего, руководителей Посольского приказа – были основания для опасений, что его высказывания могут иметь нежелательные последствия. Ведь еще в 1664 г. в Варшаве обсуждался вопрос о заключении между Швецией и Речью Посполитой союза, направленного против Русского государства.

Другую важную часть предложений А. Л. Ордина-Нащокина составляли его соображения о возможной общей политике обоих государств на юге¹⁰¹. Во-первых, он подчеркивал, что после заключения союза крымский хан «отставит свои великие запросы, а рад будет без шкоды дружбу держать» и «военные погрозы от турка минуютца». Но этим, по его представлениям, дело далеко не ограничивалось. Он указывал, что Речь Посполитая приобретет «прибыли великие в своих краях от волошан и от мунтян и от Семиградцкой земли». О каких «прибылях» идет речь, позволяют выяснить последующие слова, где говорится, что султан «будет уступен тех краев в своем владенье». Очевидно, султан откажется от верховной власти над Дунайскими княжествами и Трансильванией в пользу Речи Посполитой.

Последующие разделы, как представляется, дают ответ на вопрос, как может быть достигнута такая цель. А. Л. Ордин-Нащокин предполагал, что после заключения мира и союза с Россией Речь Посполитая сможет оказать помощь Австрии, ведущей войну с Османской империей, а в дальнейшем будет заключен союз между этими тремя государствами и император на присоединение к ним «иных государей подвигнет»¹⁰². Есть основания полагать, что определенные мысли на этот счет у А. Л. Ордина-Нащокина появились уже в то время, когда началась подготовка инструкций для посольства. В его записке того времени, адресованной царю, он уже писал, что султан будет мешать переговорам о мире между Россией и Речью Посполитой, так как боится «отложения» Дунайских княжеств¹⁰³. К апрелю 1663 г. он уже смог предложить литовскому собеседнику целую программу на этот счет. В записке «О миру Великой России» не содержится каких-либо указаний на критику этих высказываний А. Л. Ордина-Нащокина. Из данных дипломату инструкций видно, как сильно беспокоило русских политиков усиление татарского присутствия на Украине. Предложенное дипломатом решение проблемы могло оказаться вполне приемлемым.

⁹⁸ Опубликовано И. В. Галактионовым: *Галактионов И. В. К истории...* С. 85–89.

⁹⁹ Время написания установил И. В. Галактионов: там же. С. 90.

¹⁰⁰ *Галактионов И. В. К истории...* С. 89.

¹⁰¹ *Галактионов И. В. Россия и Польша...* С. 222–223; *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 127–128.

¹⁰² *Галактионов И. В. К истории...* С. 84–85.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 10. См. также: *Галактионов И. В. Россия и Польша...* С. 218, 221.

Сказанное позволяет сделать вполне определенный вывод. А. Л. Ордин-Нащокин излагал литовскому канцлеру не то, что ему было поручено в Москве, а свой собственный план урегулирования русско-польского конфликта. Такое поведение нельзя признать обычным не только для практики, принятой в допетровской России, но и для практики дипломатической службы более позднего времени. Неудивительно, что он был «истязан» в Москве по поводу своих действий. Очевидно, в связи с этим статейный список посольства был передан в Тайный приказ – личную канцелярию царя¹⁰⁴, где он и погиб впоследствии вместе с частью хранившихся там бумаг. Вероятно, лишь личное заступничество царя избавило посла от весьма нежелательных последствий. Надо также при этом иметь в виду, что посол не отступил от инструкций по главному волновавшему русское правительство вопросу о границах.

Предложения А. Л. Ордина-Нащокина не оказали влияния на позицию его партнеров на переговорах. Польско-литовская сторона продолжала настаивать на прежних условиях, лишь снизив сумму контрибуции до 6 млн. золотых¹⁰⁵. Об обстановке, в которой проходили переговоры, сохранилось интересное свидетельство в записке «О миру Великой Росии с Полшею». Представители польско-литовской стороны показали русским послам печатные «куранты», свидетельствовавшие о том, что «безсилье в Великой Росии и внутрь своего государства разорение и война»¹⁰⁶. 12 мая н. ст. состоялся официальный «отпуск» послов¹⁰⁷. В грамоте Яна Казимира подчеркивалось, что мир возможен лишь на условии возвращения к довоенным границам¹⁰⁸. Единственным позитивным результатом миссии была договоренность сторон продолжать мирные переговоры¹⁰⁹.

Хотя посольство, по существу, оказалось безрезультатным, А. Л. Ордин-Нащокин в одной из своих поздних записок писал: «С того посольства все крепости в договорах пошли и утверждены преславно»¹¹⁰. В какой мере эти утверждения А. Л. Ордина-Нащокина соответствовали действительности? В какой мере его доводы могли повлиять на сознание правящих кругов Речи Посполитой?

Следует отметить, что призыв Ордина-Нащокина к активной политике по отношению к Швеции никакого внимания к себе в эти годы не привлек. Если литовских политиков и могли бы заинтересовать планы возвращения Риги в состав Речи Посполитой, то следует учитывать, что их взгляды при определении внешнеполитической ориентации государства не имели решающего значения, а магнаты и шляхта Королевства Польского были удовлетворены условиями Оливского мира со Швецией, вернувшего Речи Посполитой прусские порты.

Существенно иначе обстояло дело с иной поднятой А. Л. Ординым-Нащокиным темой – вопросом о необходимости совместных действий для отпора экспансии Крыма и Османской империи на земли Восточной Европы. Как показал в своем исследовании З. Вуйчик, усиление татарского присутствия на Украине уже в 1660–1661 гг. стало вызывать серьезные опасения целого ряда политиков Речи Посполитой. Тогда же появились и опасения, что за крымскими могут последовать и османские войска¹¹¹. Более того, уже в это время зародилось представление о том, что в борьбе с экспансией Османской империи и Крыма следует искать союза с Россией. В инструкции комиссарам, назначенным для переговоров с русскими представителями сеймом 1661 г., предусматривалось, что при враждебном выступлении против Речи Посполи-

¹⁰⁴ О местонахождении статейного списка см.: РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 101.

¹⁰⁵ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 128.

¹⁰⁶ *Галактионов И. В. К истории...* С. 88.

¹⁰⁷ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 129.

¹⁰⁸ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 129; см. также перевод грамоты Яна Казимира (РГАДА. Ф. 79. 1662 г. № 27. Л. 93–100).

¹⁰⁹ См. отписку А. Л. Ордина-Нащокина об итогах переговоров (там же. Л. 92).

¹¹⁰ *Konpеева Т. Н. «Ведомство желательным людям»...* С. 347.

¹¹¹ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 64, 66, 77–79.

той татар и казаков следует выяснить у представителей московской стороны, на каких условиях Россия согласилась бы заключить союз (*lige*) с Речью Посполитой¹¹². В такой обстановке было важно, что и с русской стороны была выдвинута аналогичная инициатива, и эти высказывания А. Л. Ордина-Нащокина не могли не оставить след в сознании его политических партнеров – польско-литовских политиков.

Разумеется, во взглядах сторон на условия такого союза были существенные различия. Для представителей Речи Посполитой главным предварительным условием такого союза было возвращение Русского государства к довоенным границам и его отказ от какого-либо вмешательства в украинские дела. Неудивительно поэтому, что если Ордин-Нащокин предлагал планы активной политики обоих государств по отношению к Османской империи и Крыму, то польско-литовским комиссарам предписывалось заключить соглашение лишь «об оборонительной, но не наступательной» войне (*belli defensivi non offensivi*): соглашение с Россией не должно было способствовать увеличению русского влияния на спорных территориях. С усилением опасности для Речи Посполитой со стороны Османской империи и Крыма эти различия стали утрачивать свое значение, и тогда аргументы Ордина-Нащокина смогли оказать воздействие на его собеседников. И в этом отношении высказывания А. Л. Ордина-Нащокина были справедливы – в определенной мере его переговоры во Львове подготовили почву для русско-польских договоров 1667 г. – Андрусовского и Московского.

Отказавшись принять предложения А. Л. Ордина-Нащокина, король и его советники, как показал последующий ход событий, совершили ошибку. Когда планы победоносного похода на Москву оказались нереальными (армия Речи Посполитой смогла дойти только до Севска), пришлось заключать мир на условиях, гораздо менее благоприятных для Польско-Литовского государства, чем те условия, которые русское правительство было готово предложить, чтобы закончить войну в 1662 г.

¹¹² *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 106.

Глава 2. «О миру Великой России с Полшею»

В августе 1663 г. начался поход войск Речи Посполитой на восток. Победа в этом походе должна была заставить русское правительство согласиться на продиктованный польско-литовскими политиками мир. В середине ноября польская армия во главе с самим королем Яном Казимиром перешла Днепр, и началась новая военная кампания. Начало военных действий не привело к прекращению дипломатических переговоров между сторонами. Король и сенаторы рассчитывали, что переговоры о мире будут начаты уже во время похода, когда, желая избежать грозящей опасности, русские должны будут согласиться на невыгодный для них мир. Предложение организовать встречу представителей сторон в Белеве или в Калуге показывает, какие планы похода вынашивались в Королевской ставке зимой 1663–1664 гг. Однако переговоры о времени и месте съезда затянулись, и лишь в начале апреля 1664 г. была достигнута договоренность о проведении мирных переговоров в мае 1664 г. в районе Смоленска¹¹³. Предварительно в этот район должны были выехать А. Л. Ордин-Нащокин и дьяк Федор Михайлов, чтобы окончательно договориться с комиссарами Речи Посполитой о времени и месте их переговоров с русскими великими послами. Во второй половине апреля в деревне Шейново имела место их встреча с комиссарами Киприаном Павлом Бжостовским и Стефаном Ледоховским¹¹⁴.

К этому времени положение дел существенно изменилось. Королевская армия заняла первоначально довольно обширные территории на Левобережной Украине и даже дошла до русской территории в районе Севска. Однако, постепенно сталкиваясь со все более сильным сопротивлением, она понесла серьезные потери и вынуждена была отойти за Днепр, даже не пытаясь закрепить за собой первоначально занятые территории. Кроме того, в начале 1664 г. на Правобережной Украине началось восстание против польских властей и польского ставленника гетмана Павла Тетери¹¹⁵.

В этих условиях можно было рассчитывать, что на мирных переговорах Речь Посполитая пойдет на уступки. Для таких расчетов были и более конкретные основания. При отступлении польской армии попал в плен один из офицеров, полковник Кристиан Людвиг Калькштейн¹¹⁶. Его сообщения дали русским политикам важные сведения и о внутреннем положении в Речи Посполитой, и об отношении отдельных группировок и политиков к заключению мира с Россией. Калькштейн утверждал, что король и королева не хотят мира и назначили комиссарами таких людей, как Е. Глебович, К. П. Бжостовский, А. Я. Храповицкий, которые будут срывать переговоры «по велению королевскому и королевину». Храповицкому и Бжостовскому король даже дал земли под Гродно вместо их смоленских «маетностей», «чтобы они к миру не допустили»¹¹⁷.

Вместе с тем в других местах своих показаний Калькштейн утверждал, что Литва «гораздо миру хотели». По его словам, за мир с Россией выступают такие видные литовские политики, как гетман Павел Сапега и близкий к нему военачальник Александр Полубенский. И этими лицами круг сторонников мира не ограничивался. По словам Калькштейна, сам архиепископ гнезненский А. Лещинский предлагал Яну Казимиру прервать поход, а «если он не

¹¹³ О переговорах между государствами на рубеже 1663–1664 гг. см.: *Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza*. Warszawa, 1959. S. 151–157.

¹¹⁴ *Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza*. Warszawa, 1959. S. 157–158; *Галактионов И. В.* Россия и Польша накануне переговоров в Андрусове // *Ученые записки Института славяноведения*. Т. XVIII. М., 1959. С. 246.

¹¹⁵ См. об этом: *Галактионов И. В.* Россия и Речь Посполитая на заключительном этапе русско-польской войны третьей четверти XVII века // *Славянский сборник*. Вып. 5. Саратов, 1993.

¹¹⁶ *Галактионов И. В.* Россия и Польша... С. 233.

¹¹⁷ РГАД А. Ф. 79 (Сношения России с Польше й). 1662 г. № 30. Л. 5, 9–10.

поворотитца назад, и они, де, на королевство Польское и Литовское оберут инова». Не прошли мимо внимания русских политиков и сообщения Калькштейна о существовании в Речи Посполитой сильной оппозиции попыткам короля проводить абсолютистскую политику. Король, – рассказывал полковник, – добивается продолжения войны с Россией, так как, если будет заключен мир, сенаторы и шляхта «учнут спрашивать для чего он вольности их поломал»¹¹⁸. Из этого следовало, что такие враждебные королевской политике силы должны были стремиться к заключению мира с Россией. Нужно только, чтобы обществу Речи Посполитой стало известно, какие условия мира предлагает царь. Калькштейн указывал, что Речь Посполитая не хочет мира, так как комиссары вводят в заблуждение шляхту, утверждая, что царь хочет стать польским королем. Ее настроение изменится, когда она узнает истинное положение дел¹¹⁹. С учетом этих сведений заключение мира с Россией также не выглядело делом безнадежным.

Поездка А. Л. Ордина-Нащокина в Шейново стала важной хронологической гранью и в истории русской внешней политики, и в истории русско-польских отношений. Или перед своим переездом в Шейново, или уже из этого места он направил царю обширную записку «О миру Великои России с Полшею». Текст записки был издан И. В. Галактионовым¹²⁰ по рукописи, сохранившейся в сборнике материалов Андрусовских переговоров¹²¹. Другая рукопись с текстом записки сохранилась в сборнике материалов русско-польских переговоров 1664 г. в Дуровичах¹²². Сопоставление показало, что помимо мелких расхождений между текстами можно отметить два существенных различия: в тексте, опубликованном И. В. Галактионовым, отсутствует заключительный фрагмент ст. 26, отражающий резкую реакцию А. Л. Ордина-Нащокина на действия шведских дипломатов в Москве, и заключительная, 33 статья документа. Так как эта 33 статья упоминается в ответе царя на записку (об этом ответе речь пойдет ниже), очевидно, что именно текст, сохранившийся среди материалов съезда в Дуровичах, отражает первоначальный вид документа. В настоящей работе записка будет использована по публикации И. В. Галактионова с учетом разночтений и с привлечением неизданных текстов.

Записка неоднократно кратко излагалась и в синтетическом труде СМ. Соловьева, и в работе первого биографа Ордина-Нащокина В. С. Иконникова¹²³, но она до сих пор не подвергалась подробному анализу и не сопоставлялась с запиской, которую А. Л. Ордин-Нащокин подал литовскому канцлеру К. Пацу в апреле 1663 г.¹²⁴

Записка представляла собой весьма своеобразный документ. Хотя А. Л. Ордин-Нащокин был послан, чтобы содействовать началу переговоров о мире, в его записке ничего не говорилось о возможных условиях мира. Она вся была посвящена доказательству того положения, что прекращение войны должно обязательно сопровождаться заключением союза между Россией и Польско-Литовским государством. В подтверждение правильности своего тезиса автор записки мобилизовал обильную и разнообразную аргументацию. Во вступительной части записки (ст. 1–6) он доказывал, что только заключение союза может способствовать установлению прочного мира и прекращению постоянных войн. Жители обоих государств будут пользоваться благами мира, а соседи, не имея возможности использовать в своих интересах раздоры между ними, «покорно дружбы учнут искать» с союзниками.

Одновременно в записке намечались те конкретные внешнеполитические задачи, решению которых будет способствовать заключение союза. Если в записке, переданной Пацу, обра-

¹¹⁸ РГАД А. Ф. 79 (Сношения России с Польше й). 1662 г. № 30. Л. 5, 8–9.

¹¹⁹ РГАД А. Ф. 79 (Сношения России с Польше й). 1662 г. № 30. Л. 11.

¹²⁰ Галактионов И. В. К истории Андрусовского перемирия 1667 г. // Исторический архив. 1959. № 6. С. 85–89.

¹²¹ РГАДА. Ф. 79. 1668 г. № 12. Л. 34–45 об.

¹²² РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 414–430.

¹²³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. М., 1961. С. 162–163; Иконников В. С. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. 1883. X–XI. С. 45–46.

¹²⁴ Оубл. по копии, сохранившейся в РГАДА, И. В. Галактионовым (К истории... С. 83–85).

щалось внимание на те выгоды, которые союз принесет Речи Посполитой, то в записке, адресованной царю, речь шла о выгодах, которые этот союз принесет России.

Большая часть записки (ст. 10, 18, 20–39) была посвящена доказательству того, что заключение союза поможет избежать серьезной опасности, угрожающей Русскому государству со стороны Швеции, и укрепит его позиции по отношению к этому государству. Выдвижение на первый план именно этой проблемы было связано с жизненными перипетиями А. Л. Ордина-Нащокина. Он тяжело переживал свое отстранение от участия в мирных переговорах по требованию шведской стороны, а заключение Кардиского договора считал досадной ошибкой, приведшей к тяжелым последствиям. Эти настроения получили яркое выражение в записке.

В записке А. Л. Ордин-Нащокин доказывал, что Шведское государство – упорный и последовательный враг России, о чем говорит, в частности, распространение через прессу клеветнических сведений о слабости и внутренней непрочности Русского государства, о народных волнениях и восстаниях отдельных народов (в частности, башкир). Распространяя такие сведения, шведские политики стремятся побудить Речь Посполитую продолжать войну с Россией (ст. 23–25). Он, А. Л. Ордин-Нащокин, на мирных переговорах «уличал» шведских послов в нарушениях условий перемирия, а о их враждебных планах «для ведома писал» и в Посольский приказ, и в Приказ тайных дел, но тщетно (ст. 27). Ему, как отмечал он в другом месте своей записки, «в свейском деле во время не поверено» (ст. 18). Неслучайно в тексте записки читалось предостережение, что следует опасаться, чтобы шведы не научили поляков требовать «переменять стороны царского величества послов», как это сделали шведы при заключении Кардиского мира (ст. 26). В заключительном разделе ст. 26, не вошедшем в публикацию И. В. Галактионова, он с возмущением писал о том, что «и ныне... камисар свейской в Посольском приказе извещал, на съезде бы царского величества тот посол от дела отставлен был, который против их неправд встречно говорит». И далее автор записки с горькой иронией замечал: «Извыкли чевю просят, то бы им и отдано было»¹²⁵. Когда А. Л. Ордин-Нащокин был отстранен от участия в мирных переговорах, то, по его оценке, «шведам мир становить учало быть по их воле» (ст. 27). Теперь, «упустя из рук, ныне с великою трудностью» придется исправлять неблагоприятные последствия Кардиского договора с помощью союза с Речью Посполитой (ст. 18).

В высказываниях и оценках А. Л. Ордина-Нащокина большую роль играли личные мотивы, но и царь, и другие его советники к концу 1663 г. располагали бесспорными доказательствами недружественной политики Швеции по отношению к Русскому государству.

В начале 1660-х гг. членам государственного совета (риксрода), управлявшего Швецией в малолетство короля Карла XI, из разных источников поступала информация о тяжелом положении, в котором оказалось Русское государство после военных неудач 1660 г. Б. Горн, возглавлявший посольство, посетившее в начале 1662 г. Москву в связи с ратификацией Кардиского договора, сообщал в своем отчете, что в русской казне нет денег, армия находится в расстройстве и не в состоянии противостоять войскам Речи Посполитой и Крыма, сложившееся положение чревато «восстанием». Аналогичный во многом характер носили поступающие из Москвы донесения шведского резидента А. Эберса. Он сообщал о тогдашних волнениях и «медном бунте» в Москве, о неблагоприятном положении на фронтах¹²⁶. Шведский резидент в Гданьске сообщал о планах правящих кругов Речи Посполитой в возможно более скором времени начать поход против России¹²⁷. В этих условиях у шведских правящих кругов стало проявляться стремление пересмотреть в свою пользу ряд условий только что заключенного

¹²⁵ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 424 об.

¹²⁶ *Fahlborg B. Sveriges jttre politik. 1660–1664. Stockholm, 1932. 298–299, 302, 312; Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) // Журнал Министерства народного просвещения. 1898, май. С. 94–96.*

¹²⁷ *Fahlborg B. Op. cit. S. 313.*

мирного договора. Речь шла, в частности, о создании более благоприятных условий для торговли шведских купцов на территории Русского государства¹²⁸, но дело этим не ограничивалось. Уже при переговорах о заключении Кардисского мира шведские представители требовали «компенсации» за ущерб, нанесенный Шведскому государству в годы русско-шведской войны. Тогда это требование было отклонено, и русская сторона не взяла на себя таких обязательств. Теперь шведские государственные деятели решили вернуться к этому вопросу.

Сначала речь шла о возмещении убытков, понесенных шведской стороной из-за нарушения русскими условий Кардисского мира. Убытки эти были оценены суммой в 600 тыс., в крайнем случае – 300 тыс. руб., которая могла быть выплачена деньгами или товарами (например, пенькой), но лучше было требовать в качестве компенсации уступки Швеции Приладжья, земель до Онеги и Свири, карельских земель до Белого моря¹²⁹. Позднее было решено требовать возмещения и за ущерб, понесенный Швецией в годы русско-шведской войны. Этот общий ущерб был уже оценен суммой в 1 млн. 250 тыс. руб. Такое требование было выдвинуто шведской стороной во время переговоров на р. Плюсе 30 октября 1663 г.¹³⁰ В Москву сообщения о таком требовании пришли 17 ноября¹³¹. И после этого царь и его советники, как представляется, должны были отнестись с серьезным вниманием к предостережениям А. Л. Ордина-Нащокина.

Опасность, по мнению А. Л. Ордина-Нащокина, угрожавшая России со стороны Швеции, была связана с попытками шведских правителей, начиная с Карла Густава, заключить союз с Крымом. С точки зрения автора, шведы заключили такой союз уже давно. Когда они «учали дружбу иметь с Хмельницким», то они «путь ему указали к хану и ввели хана» в Польшу. Позднее они организовали нападение крымских войск на земли бранденбургского курфюрста, когда тот стал союзником польского короля против шведов. Они «хана привели в Прусскую землю». По его мнению, шведская дипломатия пользовалась большим вниманием и в Стамбуле. Начало очередной войны между Османской империей и Габсбургами, предположительно, было вызвано интригами шведского посла в Стамбуле Бенгта Шютте (в публикации ошибочное чтение – Кубах), который «турка поднял войною на цесаря». Теперь свой союз с Крымом шведы хотят направить против России. Если шведским политикам удастся осуществить свои планы, то России придется «с обеих сторон боронитца данью, откупом» (ст. 20–21).

Невозможно установить, как в сознании А. Л. Ордина-Нащокина могла сложиться такая картина развития шведско-крымских отношений, совсем не соответствовавшая историческим фактам. Никаких контактов с Крымом у шведского правительства в середине XVII в. не было, и никакой роли в заключении союза между Хмельницким и крымским ханом в 1648 г. шведская дипломатия не играла. Во время «потопа» Карл Густав пытался вступить в сношения с Крымом при содействии Хмельницкого, но это не удалось¹³². В развернувшейся войне крымские татары поддерживали не Швецию, а Речь Посполитую. Нападение крымских войск на земли Восточной Пруссии было предпринято, когда курфюрст был союзником шведов¹³³. В 1657 г. шведский король действительно отправил в Стамбул посла Б. Шютте, чтобы побудить султана к войне с его противниками – Россией, Речью Посполитой и Австрией. Его перехваченные письма австрийцы передали на переговорах русским представителям¹³⁴. (Возможно, так о них

¹²⁸ Подробную характеристику шведского проекта торгового соглашения см.: *Шаскольский И. П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII веке. СПб., 1998. С. 228.

¹²⁹ *Fahlborg B. Op. cit.* S. 310–311.

¹³⁰ *Fahlborg B. Op. cit.* S. 326; *Шаскольский И. П.* Экономические отношения... С. 228.

¹³¹ *Форстен Т. В.* Сношения... С. 317.

¹³² *Грушевский М. С.* История Украины – Руси. Т. IX/2. Київ, 1931. С. 1281.

¹³³ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 44.

¹³⁴ Об этих письмах см. подробнее: *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. I. М., 1946. С. 37, 40. О передаче писем см.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 3. СПб., 1854. Стб. 839 и сл.

узнал А. Л. Ордин-Нащокин). Попытка эта, однако, также оказалась безрезультатной и осталась в шведской политике эпизодом, не имевшим последствий.

Опасения А. Л. Ордина-Нащокина не были полностью беспочвенными. Так, известно, что на одном из заседаний риксрода осенью 1663 г. уже упоминавшийся выше Б. Шютте предлагал побудить Османскую империю напасть на Россию¹³⁵, но предложение его не было принято, и в дальнейшем к нему не возвращались.

А. Л. Ордин-Нащокин указывал и на другую опасность, угрожавшую России со стороны Швеции. Он обращал внимание на возможность заключения союза между Швецией и Речью Посполитой. Говоря о шведских политиках, он утверждал, что «промысл их о том давно», и «ныне шведам время то делать с поляки» (ст. 30). В отличие от планов шведско-крымского союза такая опасность в 1664 г., как увидим далее, была вполне реальной, и этот довод, несомненно, должен был привлечь к себе серьезное внимание царя и его советников.

Союз с Речью Посполитой, по мнению автора записки, должен был помочь не только избежать этих опасностей, но и «исправить» невыгодные для России последствия Кардиского мира. В записке, переданной К. Пацу, А. Л. Ордин-Нащокин выдвигал план созыва международного съезда, на котором при содействии дружественных посредников Россия и Речь Посполитая смогут добиться возмещения за нанесенные им «шкоды»¹³⁶. В записке царю он выражался на этот счет гораздо более неопределенно (возможно, потому, что царь был знаком уже с его запиской, переданной Пацу), но и в этом документе он подчеркивал, что положение удастся исправить «промыслом, для своих прибылей мирных, а не через меч» (ст. 18). На чем основывалось убеждение политика, что такой упорный, последовательный враг Русского государства, каким ему представлялась Швеция, согласится без войны, мирным путем пойти на необходимые для Русского государства уступки, установить не удается.

Выше уже отмечалось то место в рассуждениях А. Л. Ордина-Нащокина, где он говорил о Хмельницком как о политике, с самого начала своей деятельности связанном со Швецией. Это не было случайное замечание. В другом месте записки можно прочесть, что «Богдан Хмельницкой по дружбе им, шведом, большое попечение имел, заступая их, шведов, от войны Московского государства» (ст. 21). Можно понять, как сложились у автора записки такие взгляды на характер внешней политики гетманства. В конце 40-х – начале 50-х гг. XVII в. А. Л. Ордин-Нащокин к украинским делам никакого отношения не имел. В круг его внимания они вошли в 1657 г., когда он пересылал в Посольский приказ сведения о контактах Богдана Хмельницкого с Карлом Густавом и Ракоци. По-видимому, тогда у него стало формироваться представление о политике гетманства как политике, преследующей особые цели, не соответствующие русским интересам. События, связанные с переходом на сторону Речи Посполитой сначала Ивана Выговского, а затем – Юрия Хмельницкого, могли только утвердить в нем это убеждение.

Другая внешнеполитическая проблема, решение которой должно было способствовать заключению союза с Речью Посполитой, была проблема отношений Русского государства с его южными соседями – Крымским ханством и Османской империей. В записке, переданной К. Пацу, А. Л. Ордин-Нащокин говорил, что, заключив такой союз, Россия и Польско-Литовское государство смогут не опасаться угроз со стороны Османской империи и Крыма. Более того, он высказывался в том смысле, что активные наступательные действия обоих государств (возможно, в составе антиосманской коалиции) смогут привести к установлению протектората Речи Посполитой над Дунайскими княжествами и Трансильванией¹³⁷. В записке, адресованной царю, А. Л. Ордин-Нащокин обозначил совсем иной подход к проблеме, указывая Алексею Михайловичу на то, какие выгоды именно России может принести такая политика. Говоря о

¹³⁵ Fahlborg B. Op. cit. S. 329.

¹³⁶ Галактионов И. В. К истории... С. 83–84.

¹³⁷ Галактионов И. В. К истории... С. 84–85.

Дунайских княжествах, он отмечал, что они «по самой великой неволе под оборону турецкую поддались», так как между Россией и Польшей шли постоянные войны и они не могли оказать помощи этим государствам. Когда с заключением союза положение изменится, «и те волохи скоро пристанут к тем обоим союзным государствам, а от турка отлучатца». Вместе с тем он обращал внимание на то, что жители этих княжеств живут «в крепком благочестии греческого закона», отсюда он делал вывод, что они «по вере желанием своим блиски к Великой России и никогда бы отступны не были» (ст. 13). Таким образом, по его мнению, такая политика должна была привести к утверждению в Дунайских княжествах не польского, а русского влияния.

Такая констатация давала возможность Ордину-Нащокину еще дальше заглянуть в будущее, оценить перспективы, к которым приведет соединение всех православных от Дуная и до России в рамках союзных государств. Это, по-видимому, должно было создать условия для последующего триумфа православия над католичеством. Такого прямого вывода в тексте записки нет, но в ней читается выражение надежды, что «нашей вере противные католици не познают того обхождения около их», т. е. не поймут, к каким последствиям для них приведет такая политика. Только данный вывод может объяснить и появление в тексте записки слов, что «каталицкую веру и сами оне за пространства имеют быть, а не за спасение, и держать по начале своем», т. е. поляки не привязаны по-настоящему к своей вере, держатся ее скорее по традиции (ст. 14). Разумеется, следует учитывать, что эти доводы адресовались благочестивому монарху, убежденному в том, что Бог возложил на него историческую миссию объединения православных и их освобождения от иноверной власти. Представляется, однако, что они вполне соответствовали и взглядам самого А. Л. Ордина-Нащокина. Свое убеждение в приверженности «волохов» православию он, вероятно, вынес из своей поездки в Молдавию в середине 40-х гг. XVII в.

Изложенный в записке взгляд на будущие перспективы отношений между Россией и Речью Посполитой не исключал совсем иных подходов к решению проблем, возникавших в данной конкретной ситуации. Неслучайно в записке говорилось, что следует «ныне... того времени не испустить в нужное их безвременье» (ст. 15), т. е. использовать в своих интересах то неблагоприятное положение, в котором оказалась Речь Посполитая после неудачи похода на Левобережную Украину. Более конкретные советы содержатся в отписках, которые А. Л. Ордин-Нащокин посылал царю в апреле 1664 г. В одной из этих отписок, сообщая о тяжелом положении литовской армии после неудачного похода, он призывал «того бы над польским и литовским войском нужного времени не спустить»¹³⁸. Получив от царя указ договариваться с комиссарами о «задержании войны», он доказывал, что этого делать не нужно. Напротив, следует направить И. А. Хованского с войском в Браславский и Вилькомирский поветы, и «литовские люди, увидя себе утеснение и учнуть к миру приходить скорее». Если против Хованского вышлют войска, им в тыл может ударить армия Я. К. Черкасского¹³⁹. Таким образом, убеждение в необходимости мира и союза с Речью Посполитой совсем не исключало активных боевых действий, чтобы побудить Речь Посполитую к принятию нужных для русской стороны решений.

Хотя условия мира в целом в записке не обсуждались, всё же ряд вопросов двусторонних отношений в ней был затронут. Столь же большое место, как и основные сюжеты, занял в записке вопрос о судьбе «полоня», оказавшегося на русской территории после удачных для Русского государства военных кампаний 1654–1655 гг. (ст. 7–9, 33)¹⁴⁰. А. Л. Ордин-Нащокин указывал, что «во всех краях Великие России и в Сибири полону в службе много», «а в украинских местах без служивого доброго строю от хана крымского и от калмыков быть не можно».

¹³⁸ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 11. Л. 5а.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 11. Л. 11–13.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 429.

В этой связи он полагал, что при заключении союза между государствами можно добиться того, чтобы весь этот «полон» остался в России, тем более что многие здесь «поженились и замуж вышли». В этих рассуждениях отразилось понимание нехватки в Русском государстве населения для освоения и защиты столь обширной территории, когда приток дополнительных людских ресурсов всегда был желанным и нужным.

Учитывая охарактеризованные выше обширные планы, связанные с укреплением позиций православия на огромных территориях на север от Дуная, не может вызвать никакого удивления утверждение автора записки, что заключение союза позволит предотвратить переход православного населения Речи Посполитой под давлением католических властей в унию и благочестие могло бы «ис плену запустения на свет выти», тогда «разоренные святые места поправить мощно и милостивым наданьем оживить» (ст. 11–12). Очевидно, договор о мире и союзе, по мысли А. Л. Ордина-Нащокина, должен был дать Алексею Михайловичу возможность оказывать покровительство и помощь православным в Польско-Литовском государстве. Это, конечно, способствовало бы превращению России в ведущего партнера в проектируемом союзе.

Наконец, в записке был затронут вопрос о «обрании» Алексея Михайловича на польский трон. Договоренность об избрании Алексея Михайловича преемником короля Яна Казимира была достигнута на переговорах под Вильно в 1656 г. В 1658 г. соответствующее решение принял сейм, определив те условия, на которых Алексей Михайлович был бы признан «обраным» польским королем. Следовало решить, надо ли на мирных переговорах добиваться осуществления этой договоренности. А. Л. Ордин-Нащокин полагал, что вопрос для польско-литовской стороны продолжает оставаться актуальным: «поляки и ныне для мира и лутчего себе в рубежах одержания того обрания не отлагают». Смысл этого замечания станет понятным, если учесть, что условия, принятые сеймом в 1658 г., предусматривали возвращение Речи Посполитой всех земель, входивших в ее состав по Поляновскому миру. Автор записки полагал, что на такое соглашение идти не стоит: земли будут отданы, а избрание царя на польский трон никакой договор не гарантирует. Заключив нужный им мир, поляки постараются «того обрания противными статьями отбыть» (ст. 30). Как представляется, А. Л. Ордин-Нащокин не исключал возможность такого решения, но лишь после того, как союз между Россией и Речью Посполитой будет заключен и покажет свою эффективность. На это указывают читающиеся в записке слова: «мимо своего союзника безвестно иного государя не обирают» (ст. 32).

Огромное место в отношениях между Россией и Речью Посполитой занимал вопрос о судьбе Украины. Этой темы автор записки коснулся лишь в 33-й заключительной статье. Здесь читаем: «А о черкасах малороссийских, не учинив союзу во всякой помочи в тех обоих государствах, как их отступитца, и опричь всее Польши и Литвы те черкасы по прежнему совету с ханом и с шведом взочнут на Великую Россию злую войну»¹⁴¹. Эти высказывания уже исследователи XIX в. поняли как готовность политика отказаться от Украины ради заключения союза с Речью Посполитой. Так понял эти высказывания, как увидим далее, и царь Алексей Михайлович. Однако текст записки не дает основания для такого решительного вывода. Ни планы активной политики на юге, ни планы соединения воедино многих православных народов нельзя было бы осуществить, если бы Россия не имела никаких владений на Украине. Представляется, что речь здесь шла о необходимости «отступитца» от тех «черкас», которые жили на территории Правобережной Украины. Несомненно, однако, что в этом фрагменте записки, как и в некоторых других местах, отразилось представление А. Л. Ордина-Нащокина о казачестве как силе, исторически связанной с такими противниками Русского государства, как Крым и Швеция, способной начать против России «злую войну», чему может помешать союз с Речью Посполитой.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 14. Л. 429.

В записке был затронут один сюжет, не имевший прямого отношения к русской внешней политике, но важный для характеристики общественного сознания русских людей середины XVII в. 17-я ст. записки открывалась словами: «А что слышитца от некоторых людей, не захотят, де, того соединения... московские народы». Из этих слов ясно следует, что люди, знакомые со взглядами политика, говорили ему, что союза с Речью Посполитой не захочет русское общество. Этот аргумент А. Л. Ордин-Нащокин отмел утверждением, что «каково от великих людей объявление в народ учинитца, так и разсуждать учнут», а вопрос о союзе с Речью Посполитой будут решать, как сказано в следующей, 17-й статье записки, «царского величества ближние бояре и думные люди». Однако само появление такого аргумента и необходимость отвечать на него заслуживают внимания.

20 марта 1664 г. доверенное лицо царя подьячий Приказа тайных дел Ю. Никифоров повез ответ царя на записку А. Л. Ордина-Нащокина¹⁴². В научной литературе сложилось представление о негативном отношении царя к предложениям А. Л. Ордина-Нащокина. В подтверждение этого приводятся слова царя, что «собаке (т. е. иноверным, полякам. – Б. Ф.) не достойно есть и одного куска хлеба православного», что якобы говорит о намерениях царя продолжать войну, пока русская власть не установится на территории всей Украины¹⁴³. Знакомство с письмом царя в целом показывает, что дело обстояло иначе. Слова о «хлебе» и «собаке» были произнесены царем в ходе его рассуждения по поводу слов о «черкасах» в 33-й статье записки. Текст статьи царь понял так, что его советник предлагает вообще отказаться от Украины. В этой связи царь отметил, что «о черкасском деле о здешне(и) стороне» на мирных переговорах не может быть и речи. Он напомнил, что на переговорах во Львове сам А. Л. Ордин-Нащокин не поднимал вопроса об уступке левобережной Украины, и поставил это ему в заслугу («и у нас, великого государя, твои извет про ту статью крепко памятен, и за то тебя милостиво похваляем»). Далее в письме царя читалось: «А собаке недостойно и одного уломка хлеба есть православного, толко то не от нас будет за грехи учинитца. А будет оба уломка хлеба достанутца собаке в вечность, ох! кто может в том ответ сотворить и какое оправдание примет от давшего святии и живый хлеб собаке разве преисподняго ада и лютые муки»¹⁴⁴

¹⁴² РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 11. Л. 5.

¹⁴³ *Wójcik Z. Traktat andruszowski...* S. 161.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 79. 1664 г. № 11. Л. 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.